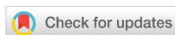

© 2025. Ким О. В.

Капитализм и ранний модерн на фоне Средневековья

обзорная статья

<https://elibrary.ru/gfjskc>

Капитализм и ранний модерн на фоне Средневековья: обзор идейных направлений

Ким Олег Витальевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 9447-4532

<https://orcid.org/0000-0003-1873-8663>

zaecposad@gmail.com

Аннотация: Зарождение капитализма в Средние века происходило на фоне внедрения разнообразных социальных и культурных инноваций. Сумма этих инноваций существенно меняет представление о Средневековье как об эпохе феодализма. Новшества носили глобальный характер и отразили взаимное влияние цивилизаций Запада и Востока. В них также выражалась преемственность по отношению к античной культуре и социальным структурам. Для описания этих явлений и тенденций в статье предлагается термин *ранний модерн*. Фокус историографического анализа обращен к зарубежным и отечественным исследованиям 1970–2020-х гг. Идеи, институты и практики раннего модерна отразились в теориях переходного общества, модернизации, протоиндустриализации, мир-системного анализа. Большое внимание в исследованиях этого направления уделяется торговой революции XII–XIII вв. Новая темпоральность и пространство глобального Средневековья выражены в образах единой Афро-Евразии и постклассического периода. Повышается статус средневековых технологий, системы знаний и представлений об окружающем мире. Утвердилась концепция мирового технологического и культурного подъема в XI–XIII вв. Предложенные концепты вызвали сдержанную и критическую реакцию академических историков-медиевистов на такое расширенное толкование Средневековья и генезиса капитализма. Они признают недостатки эталонного подхода к западноевропейскому феодализму, но отмечают устойчивость основных критериев определения классического Средневековья и феодальной революции. При этом мир-системная перспектива и контекст глобальной истории серьезно учитываются в академических макроисторических исследованиях.

Ключевые слова: ранний модерн, средневековая мир-система, средневековый капитализм, протоиндустриализация, глобальная история

Цитирование: Ким О. В. Капитализм и ранний модерн на фоне Средневековья: обзор идейных направлений. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 3. С. 489–505. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-489-505>

Поступила в редакцию 14.02.2025. Принята после рецензирования 05.05.2025. Принята в печать 05.05.2025.

review article

Capitalism and Early Modernity in the Middle Ages: An Overview of Ideological Trends

Oleg V. Kim

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 9447-4532

<https://orcid.org/0000-0003-1873-8663>

zaecposad@gmail.com

Abstract: Capitalism first emerged in the Middle Ages against the backdrop of social and cultural innovations that may change the traditional concept of the Middle Ages as a period of pure feudalism. These innovations were global in nature and reflected the mutual influence of Western and Eastern civilizations. They also manifested a certain continuity with Classical European culture and society. The article introduces the term of Early Modernity to describe

these phenomena and trends. The historiographic analysis focused on foreign and domestic studies published in 1970–2024. The ideas, institutions, and practices of early modernity found their reflection in the theories of transitional society, modernization, and proto-industrialization, as well as in the studies that covered the trade revolution of XII–XIII centuries. The new temporality and space arrangement of the global Middle Ages appeared in the images of a single Afro-Eurasia and the Post-Classical Period. As the status of medieval technologies, knowledge systems, and ideas about the world increased, it yielded the concept of global technological and cultural rise in the XI–XIII centuries. Such expanded interpretation of the Middle Ages and genesis of capitalism caused a critical reaction from medievalists. While acknowledging the shortcomings of the standard approach to Western European feudalism, they stick to the key criteria in defining the classical Middle Ages and the feudal revolution. However, macrohistorical studies seriously consider the world-system perspective and the context of global history.

Keywords: Early Modernity, medieval world-system, medieval capitalism, proto-industrialization, global history

Citation: Kim O. V. Capitalism and Early Modernity in the Middle Ages: An Overview of Ideological Trends. *SibScript*, 2025, 27(3): 489–505. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-3-489-505>

Received 14 Feb 2025. Accepted after peer review 5 May 2025. Accepted for publication 5 May 2025.

Введение. Постановка историографической проблемы

Во второй половине XX в. в исторических и социологических исследованиях была выражена идея о том, что капитализм как многомерное явление возник задолго до XVI в. Ему приписывались глубокие основания в разных сферах социального бытия уже в период Средневековья. Эта идея оказалась востребована в гуманитарной мысли на рубеже XX–XXI вв. и набирает силу сейчас. Причем в рамках одних подходов она выступала как часть программы системной критики классовой природы и эксплуататорской сути капитализма, а в рамках другой программы, наоборот, капитализм представал как многовековой атрибут торговых городов в рамках глобальной цивилизации. При этом сам капитализм изображается как комплексное историческое явление, существенно более широкое, чем капиталистический способ производства, основанный на частной собственности, наемном труде и рыночном обмене.

В современных трактовках капитализм в период своего генезиса и средневекового бытования – так называемый ранний капитализм, протокапитализм – вбирает в себя сложный агломерат отношений и институтов в духе *протоиндустриализации* и *постклассической эпохи*. У этой модели иное пространственно-временное измерение. Она состоит из религиозных обоснований новых социальных практик, морально-психологических установок к буржуазному поведению, особых ценностных ориентаций, характерных для обществ в период ранней модернизации. Эта парадигма также подразумевает космополитическое разнообразие влияний

и опыта предшественников и соседей, включает в себя адаптацию традиционных практик и проявления глобальных ритмов экономического и культурного развития.

Идеологическая потребность в таком инвариантном и оторванном от европейского модерна капитализме объясняется по крайней мере двумя современными контекстами. Первый из них связан с потребностью исторического объяснения процессов интеграции и глобализации. Теория и идеология глобальной истории занимает авторитетное место в зарубежной науке и политической идеологии на Западе. В рамках этого подхода подчеркивается, что региональные версии раннего капитализма возникали в мир-системных центрах Востока и Запада в периоды Античности и Средневековья. Они существовали на фоне аграрных экономик и сословных обществ, построенных на отношениях рентной эксплуатации, до 1500 г.

Второй подход развился в историографии, критикующей линейность всемирно-исторического развития и европоцентризм. К этому направлению также можно отнести современные исследования, комбинирующие модернизационную, цивилизационную и формационную парадигмы – то, что исследователь И. В. Побережников называет факторными моделями исторического процесса [Побережников 2010]. Эти вопросы входили в круг проблем широких академических дискуссий, происходивших в западной науке и у нас в стране в 1980–1990-е и 2000-е гг. [Гросул 2007; Ключев, Метель 2020; Уваров 2009; 2023; Goodman et al. 1987; Holton, Hill 1985].

В дискуссиях важное значение приобрел тезис об инвариантных путях, ведущих к появлению современного общества с расширенным производством и эффективным государством. Эти пути могли значительно отклоняться от европейской траектории разложения феодализма и генезиса капитализма в XV–XVII вв. В таких исторических сообществах мог возникнуть фрагментарный, но устойчивый вариант массового производства, монетарной экономики и крупнооптовой торговли. В условиях актуальной мировой многополярности эти теоретические построения являются идеологической основой для конструирования исторической идентичности в странах, так или иначе противопоставляющих себя Западу.

Таким образом, в современных исследованиях поле научного анализа существенно расширяется по сравнению с формационной проблематикой генезиса капитализма в XVI–XVII вв. Периодизация расширяется до границ классического Средневековья, ее нижняя граница сдвигается к рубежу 1100–1200-х гг. Территориальные рамки охватывают мир-экономические ареалы не только Европы, но и мусульманского Востока, а в глобальной перспективе – Великой Степи, Индийского и Тихого океанов, Китая. Расширяется предметное поле критериев и атрибутов раннего капитализма. Традиционное внимание к экономическим институтам, буржуазной ментальности и специфическим социальным практикам дополняется и усложняется. Новые исследовательские подходы связаны с теорией игр, теорией элит, идеями синергетики, цивилизационных проявлений особой темпоральности, парадигмой глобальных климатических, технологических, культурных циклов, новой композицией исторического процесса в духе глобальной истории [Богатуров 2002; Васютин 2020; Гордон 1996; Гринин, Коротаев 2009; История человечества 2004; Ким 2020; Крадин 2024; Фурсов 1991; Abu-Lughod 1990; Berger et al. 2016; Chase-Dunn, Hall 1997; Frank 1990; Global Middle Ages 2018; Marks 2024; Stearns 2017; Weller 2017; Wiesner-Hanks 2021].

Единого фронта исследований и общепринятой картины раннего средневекового капитализма нет. Но в зарубежной и отечественной историографии 1970–2020-х гг. есть очертания этой новой исторической конструкции. Она имеет многоукладный вид и адаптирована к региональным цивилизационным и мир-системным реалиям.

Результаты

Как назвать экономический и социальный уклад, связанный с рациональной хозяйственной деятельностью, товарным производством и дальней оптовой торговлей, но существующий в «феодалном космосе» (выражение А. Я. Гуревича) институтов и отношений? В поисках названия для совокупного обозначения этих явлений и процессов в статье предлагается термин *ранний модерн*. В отличие от англоязычного термина *Early Modern period* (1500–1800) ранний модерн определяет не хронологию, а характер социальных явлений. Ранний модерн обозначает особые тенденции развития, а не всеобъемлющее содержание исторического процесса. Явления раннего модерна наблюдаются в Европе начиная с X–XI вв. и охватывают весь доиндустриальный период. К ним относятся явления, институты и процессы, которые отразили инновационный отход, разрыв традиционности по отношению к средневековым способам экономической, политической, социальной и культурной жизни [История человечества 2004: 4–6]. Можно выделить четыре основных вектора, по которым развиваются концептуальные очертания раннего модерна.

1. Средневековая Европа в 1100–1350-е гг. находилась на фазе значительного культурного, социального и технологического подъема. Волны Ренессанса (под ними понимается широкая социально-культурная рецепция и адаптация античного наследия) в Европе происходили в VIII–IX вв., XII в., XIII–XVI вв. и привели к существенному оживлению всего культурного интерьера, особенно в элитарной и городской средах. Католическая церковь и христианство в целом не препятствовали развитию современных практик, но сообщали им средневековую специфику. Европейский феодализм отличала значительная многоукладность и социальная пластика. Традиционализм Средневековья ослабевал в космополитических торговых городах-республиках. Ментальные и поведенческие склонности европейцев к рационализму, индивидуализму, технике проявились еще в Средневековье как характерная цивилизационная черта. Со сходными проявлениями связаны расширенные глобально-исторические трактовки вне Европы: конструирование ренессанса в средневековой Японии по отношению к китайской классике; на Ближнем Востоке – в отношении эллинизма; на Среднем Востоке и в Северной Индии – по отношению к персидской культуре.

2. Децентрализация дискурса европоцентризма и эталонной интерпретации европейского феодализма. В широком ряду исследований отмечается, что для развития средневековой Европы большое значение имели технологические и культурные импульсы, зародившиеся в Азии. Сохранение и трансляция античных знаний на мусульманском Востоке, а также регулярный обмен с Китаем на Великом Шелковом пути привели к распространению в Европе ряда прорывных изобретений и технологий. Астрономия и навигация, бумага и книгопечатание, порох и снаряжение тяжелой кавалерии зародились на Востоке и стали основами значительных социальных изменений на Западе. Прорыв Европы к глобальной гегемонии в Новое время носил субъективный характер и наступил в период временного коллапса восточных империй. В 1500–1750-е гг. между цивилизациями Запада и Востока существовало напряженное равновесие в экономике, технологиях, военных силах. Гегемония Европы привела к появлению мирового колониализма и империализма, но эта фаза глобального развития по сути завершается в наши дни, и мировой баланс цивилизаций восстанавливается.

3. Парадигма глобальной истории предлагает новые объекты для изучения и анализа. Не традиционная дихотомия средневекового Запада и Востока, а системное единство Афро-Евразии в рамках концепции постклассического периода и в мир-системной перспективе. Особое внимание уделяется процессам планетарного масштаба, которые влияли на популяцию в целом. Это колебания климата (климатический оптимум Средневековья и малый ледниковый период в раннее Новое время); мировые эпидемии VI и XIV веков; масштабные миграции внутри и между континентами; революционные изменения в технологиях. Особое значение в этом подходе приобретает изучение мировой торговли, финансов, коммуникаций, чередование гегемоний в узловых точках мирового пространства. Ранний капитализм и ранний модерн отражают пульсирующий ритм медленного подъема всего человечества в эпоху Средневековья.

4. На Западе и Востоке в Средние века существовали раннекапиталистические формы хозяйственной деятельности и связанные с ними формы мировоззрения и поведения. Они сосуществовали с традиционными средневековыми моделями, основанными на аграрной экономике, натуральном хозяйстве, корпоративной сословной структуре

общества, институте собственности на личность производителя. Новые практики были связаны с хозяйственным индивидуализмом, монетарной экономикой, наемным трудом и раннекапиталистической арендой. Этот торговый капитализм существовал в приморских городах Великой Ганзы, Венеции, Флоренции, Генуи. Но он мог быть реализован вне выраженного буржуазного контекста, в политиях имперского типа.

Остановимся внимательнее на этих и некоторых других идейных построениях, в которых развивается изучаемая проблематика. Фокус историографического анализа обращен к зарубежным и отечественным исследованиям 1970–2020-х гг. Большая часть представленной историографии относится к направлениям мир-системного анализа, глобальной истории, теории протоиндустриализации, теории торгового капитализма, теории модернизации. В статье рассматриваются современные академические дискуссии отечественных медиевистов по проблемам хронологии и сущностного содержания периодов Средневековья и раннего Нового времени.

Новые временные и пространственные границы раннего модерна

Возникший в 1970-е гг. мир-системный анализ (МСА) представил новую концепцию упорядоченного исторического пространства. Это образ глобальной иерархической системы, состоящей из взаимосвязанных центров и периферий, объединенных отношениями экспансии и международной торговли. МСА придает огромное значение экономическим коммуникациям и информационному обмену. Мир Средневековья предстал динамичной структурой, которая периодически меняет центровку и пульсирует в ритмах подъема и упадка вдоль главных морских и континентальных дорог. Основатель подхода И. Валлерстайн исходил из классической идеи о зарождении капитализма в Западной Европе в 1500–1750-е гг. При этом он противопоставлял политически децентрализованную, но внутренне взаимосвязанную капиталистическую мир-экономику консервативным мир-империям, построенным на военной централизации и принудительном сборе дани, в духе противостояния англо-голландского капитализма и империи Габсбургов в XVI–XVII вв. [Wallerstein 1974]. Но вскоре идейные, пространственные и хронологические границы мир-системы были существенно раздвинуты.

Дж. Абу-Лугход в книге «До капиталистической гегемонии» выразила две коренные идеи. Первая заключалась в том, что в эпоху Древности и Средневековья существовало три или четыре локальных мир-системы. Они близко соответствовали очертаниям китайской, индийской исламской цивилизации и миру Средиземного моря. Их связывала коммуникация Великого Шелкового пути и логика региональных производств и обменов. Вторая идея – это консолидирующая роль монгольских завоеваний в XIII в. Благодаря им сложилась первая евразийская мир-экономика [Abu-Lughod 1990]. Вслед за этим А. Г. Франк выдвинул тезис о том, что капиталистические мир-экономики существуют со времен возникновения цивилизации, городов и оптовой торговли на большие расстояния, не менее 5000 лет. Он предположил, что первая мир-экономика возникла на средиземноморском берегу Ближнего Востока, а к Средневековью ее производственный и технологический центр сместился в ареал Китая [Frank 1990].

В 1970–1990-е гг. в работах К. Чейз-Данна, Т. Холла, Т. Скокполл, И. Валлерстайна, Д. Уилкинсона и др. сложился фронт мир-системных исследований, в которых Западная Европа выступала дальней периферией по отношению к огромной азиатцентричной мир-системе с культурным и технологическим центром в Китае [Chase-Dunn, Hall 1997; Skocpol 1977; Wilkinson 1987]. Представление о глобальном консолидирующем значении монгольского завоевания Евразии получило развитие в ряде работ Н. Н. Крадина. Он теоретически развил модели средневековых мир-систем А. Г. Франка и Дж. Абу-Лугход и предложил собственную гипотезу о пульсирующем ритме циклов подъемов и упадков мир-систем. На период евразийского Средневековья пришлось три цикла подъема и упадка единой Афро-Евразийской мир-системы. Это ханьско-римский (200 г. до н. э. – 200 г.); танско-византийско-исламский (500–900 гг.); монгольский (1200–1400 гг.) циклы. Одновременно каждый из них был связан с важными событиями в евразийских степях – с могуществом Хуннской державы, эпохой Тюркских каганатов и Монгольской империей. Система сохраняла стабильность, пока в XIV в. не произошли обозначенные Дж. Абу-Лугход коллапсы средневекового Востока: эпидемия чумы, упадок монгольской династии Юань и дефрагментация Великого Шелкового пути.

В 1990–2000 гг. в мир-системной модели истории укоренилось представление о том, что в Средние

века синхронно существовало несколько моделей политической и экономической организации, основанных на разных комбинациях аграрной экономики, силового принуждения и раннекапиталистических отношений. К. Чейз-Данн и Т. Холл выделили три генеральных типа, связанных с разными способами накопления: 1) основанный на родственных связях (взаимные обмены и внеэкономическое распределение); 2) даннический (характерный для мир-империй); 3) рыночный (характерный для мир-экономик). Системное влияние достигается за счет пространственного наложения друг на друга четырех сетей: сеть массовых товаров; сеть престижных товаров; сеть политического и военного влияния; информационная сеть (от религиозных учений до военных технологий). Границы этих влияний могли значительно различаться по охвату и не совпадать [Chase-Dunn, Hall 1997: 112–113]. Большую роль в распространении МСА в изучении истории Средневековья сыграли отечественные исследователи номадов. Они развили представления о кочевых мир-империях, в целом подняли мир-системный статус Великой Степи как связующего системного пространства и самих кочевников как активных агентов континентальных взаимодействий. С. А. Васютин предложил типологию кочевых мир-империй. Он показал, что земледельцы Запада и кочевники Востока были объединены в нерасторжимый континуум конфликтных взаимодействий, попадали под взаимное военные, технологические и информационные влияния [Васютин 2020: 6, 126].

Н. Н. Крадин в ряде публикаций представил модель системной динамики. По ней в эпоху монгольской глобализации пространство Евразии структурировалось в систему под мощным влиянием двух процессов. На востоке Евразии формировалась держава Чингисхана, а на Западе происходил подъем экономики и культуры классического Средневековья. Монгольское завоевание помимо прямых жертв и разрушений привело в последующем к политической консолидации мир-системы на Великом Шелковом пути. Трансконтинентальная торговля способствовала новой волне урбанизации от Каракорума до Волги и культурным влияниям в технологиях и искусстве. Монгольская глобализация привела к тому, что все крупные центры – Европа, исламский мир, Индия, сунский Китай, Золотая Орда – объединились в средневековую мир-систему [Крадин 2024: 148, 150–151]. Следует отметить, что Н. Н. Крадин и его коллеги не фиксируются на сугубо

положительном значении монгольской консолидации, понимая, чем в исторической реальности являлись набеги и завоевания. Экзополитарный способ производства, основанный на различных способах внешней эксплуатации земледельческих обществ (набеги, вымогание даров, завоевания и др.), не имел больших исторических перспектив, и к XVI в. земледельческие империи в основном победили кочевые.

Концептуальное внимание к глобальным экономическим и технологическим волнам оказало серьезное влияние на проблематику и подходы глобальной истории. Начиная с 2000-х гг. сторонники Global History конструируют особую транснациональную историческую перспективу, в которой декларируется отказ от европоцентризма и сугубо феодальной интерпретации Средних веков. Сам термин *Средневековье* выводится из употребления как мало связанный с историей неевропейских ареалов и заменяется термином *постклассический период*. При этом ведущей единицей исторического пространства заявляется регион Аффо-Евразии. Это континуум античной ойкумены, христианского и исламского миров, в которых мы видим проявления институтов и практик раннего модерна. Идейные основания средиземноморского мира как центральной цивилизации представлены Д. Уилкинсоном [Wilkinson 1987]. Внутренняя динамика Аффо-Евразии при этом определяется течущестью разнообразных влияний, конфликтными взаимодействиями, миграциями, перемещениями центров и периферий. Общая периодизация всемирно-исторического процесса глобальной истории в построениях П. Стернса и Ч. Уиллера выглядит так:

- 1) ранняя цивилизация – 5000–1500 до н. э.;
- 2) классический период истории – 800 до н. э. – 500 н. э.;
- 3) постклассический период – 500–1450 гг.;
- 4) ранний модерн – 1500–1800 гг.;
- 5) долгий девятнадцатый век;
- 6) современная эпоха [Stearns 2017; Weller 2017].

В предложенной постклассической перспективе основное внимание уделено глобальным процессам и тенденциям. Аффо-Евразия предстает в исследованиях как пространство напряженных взаимодействий Востока и Запада на фоне медленного, но неуклонного экономического и культурного подъема. В работах Г. Клейна и соавторов заявляется, что в период 450–1450-гг. происходило

расширение и рост цивилизации в новых географических регионах по всей Аффо-Евразии, а человеческая популяция выросла вдвое, с 240 до 450–500 млн человек [Klein et al. 2010]. Происходило появление и распространение трех основных мировых религий. Великий Шелковый путь расцвел в XIII в. во время правления Монгольской империи, которая благодаря завоеваниям обеспечила стабильность в Центральной Азии [A Companion to the Global Early Middle Ages 2020: 24, 46; Atlas of World History 1999: 146]. Среди других глобальных процессов историки отмечают колебания климата (климатический оптимум в Евразии в 1100–1500-х гг., который сменился малым ледниковым периодом XVII в.), миграции народов, евразийскую интеграцию в рамках Монгольской империи, мировые эпидемии 530-х и 1340-х гг., великий голод 1315–1322 гг. [Baek et al. 2020; Beard 2001; Borgolte 2022]. Концепт Аффо-Евразии усиливает общее представление о том, что системные проблемы в первую половину XIV в. подорвали стабильность и подтолкнули развитие явлений раннего модерна по всему континенту. Большое значение в глобальной истории предается череде культурных подъемов в духе Ренессанса на Западе и Востоке, которые рассматриваются как мировой цивилизационный тренд в развитии поэзии, драмы и прозы. Так, отмечается, что в результате персидской торговли в Китае и битвы на реке Талас китайские инновации проникли в исламский интеллектуальный мир. Производство бумаги распространилось по исламскому миру вплоть до исламской Испании, прежде чем было приобретено для Европы в результате Реконкисты [Renaissance... 1994: 162]. Ведутся споры относительно того, завезли ли монголы китайское пороховое оружие в Европу или пороховое оружие было независимо изобретено в Европе [Ким 2023: 57; Morillo et al. 2008]. В 1303 г. монгольская династия Юань объединила китайскую и исламскую картографию, чтобы создать карту, которая, вероятно, включала всю Евразию, включая Западную Европу [The Cambridge world... 2020].

Феодализм в этих построениях трактуется как не такой уж редкий, но локализованный вариант политической организации, характерный для некоторых регионов Европы, Ближнего Востока, мусульманской Индии и Японии. В широком смысле феодализм связывался с появлением корпораций военной землевладельческой элиты, которая эксплуатирует сельских производителей. Длительные

научные дискуссии в отечественной и зарубежной науке во второй половине XX в. привели к смещению центра внимания от институтов феодальной земельной собственности к изучению многомерных реалий традиционного общества в режиме истории повседневности. Феодализм рассматривается не как общественно-историческая формация с феодальным способом производства, а как историческая система и экологическая среда бытования органичных институтов сословно-корпоративного общества в условиях аграрной экономики и в многообразии региональных вариантов. В этом смысле феодальный способ эксплуатации – это рентный способ эксплуатации, основанный на определенном варианте внеэкономического изъятия ренты у непосредственных производителей. В условно-западных вариантах получатели ренты были частными лицами (феодалами), в условно-восточном варианте рента изымалась внесословной бюрократией в пользу правителя и государства. Специфическое явление нерасторжимой власти-собственности, на которое указывал в 1980-е гг. Л. С. Васильев, было характерным для всех региональных версий феодализма [Васильев 1983: 42]. Но если на Востоке это явление сохранило целостный характер, то в Европе, под воздействием ряда природно-географических, технологических и социальных условий, произошло отделение собственности от власти. То есть сформировалась деятельная, относительно полноправная и консолидированная группировка буржуазии и предпринимательского дворянства вокруг мир-системных городов.

При этом главным антагонистом феодализма считается не капитализм с институтами рыночной торговли и наемного труда. Ему противопоставляется синхронно существующий в мир-империях Средиземноморья, Среднего и Дальнего Востока экономический уклад, построенный на имперских военных ресурсах, на централизованной налоговой политике, государственной армии и господстве внесословной бюрократии [Berger et al. 2016: 101; Global Middle Ages 2018: 42–43]. Таким образом, в перспективе МСА и глобальной истории феодально-европейский дискурс Средневековья значительно децентрализован, а локальные проявления раннего модерна представлены как важная мировая тенденция. Подъем светской культуры и развитие технологий рассматриваются как проявления глобального ритма развития человечества и не связываются напрямую с генезисом капитализма на Западе.

Торговая революция и протоиндустриализация как отражение процессов раннего модерна

Теория торгового капитализма опирается на идею о том, что эпохе Средневековья соответствует два экономических уклада. Она возникла в сочинениях либеральных русских историков Н. И. Кареева, М. М. Ковалевского, А. К. Дживелегова. По их мнению, с появлением городских экономик и внедрением денежных отношений в рамках феодального поместья (условный рубеж XII–XIII вв.) началась новая историческая эпоха [Дживелегов 1904; Кареев 1904; Ковалевский 1899]. Идея получила развитие в трудах Ю. Борхардта, В. Зомбарта, А. Богданова, И. М. Кулишера. Они фактически разделяли Средневековье на две глобально-исторические эпохи: 1) эпоха натурального, докапиталистического хозяйства, основанного на корпоративных формах собственности, организации труда и внеэкономическом принуждении; 2) капиталистическое хозяйство, в основу которого положены меновые отношения, свободный труд и капитал. Время торгового капитализма продолжалось с XIII по XVIII в. [Богданов 1923; Борхардт 1926; Зомбарт 1904; Кулишер 1931; Радек 1927]. Эта теория серьезно занимала отечественных историков, но к 1930-м гг. от нее отказались по идеологическим причинам на фоне утверждения пятичленной концепции В. В. Струве.

В 1960-е гг. в западной историографии утвердился концепт торговой революции, которая существенно изменила экономические отношения в эпоху классического Средневековья (1050–1350-е гг.). В 1960–1980-е гг. на этой базе возникли концептуальные модели переходных премодерных обществ. Это транзитное состояние У. Ростоу выразил в идее двух доиндустриальных стадий экономического роста: между стадиями аграрного и индустриального общества английский экономист видел две промежуточные – стадию переходного общества и стадию отрыва (take-off) [Rostow 1960].

Коммерческая революция сформировала многие политические и экономические институты и сильно повлияла на мировой экономический баланс и геополитические расклады. По мнению К. Поланьи, она была важнейшим фактором становления централизованных государств в Европе, которые испытывали потребность в постоянном притоке денег [Поланьи 2002: 58]. В 1950–1970-е гг. португальский историк Р. Лопес существенно дополнил модель. В развитии европейского капитализма

он перенес основной фокус внимания с промышленной революции в Англии на более ранние процессы в итало-византийском восточном Средиземноморье [Lopez 1976]. Эти взгляды разделили А. Лайу, П. Спаффорд, согласившись с тем, что в XI–XIII вв. в Евразии в целом произошли фундаментальные экономические изменения, связанные с развитием посреднической торговли, акционерного капитала, наемного труда и аренды [Laïou 2012: 241; Spufford 1988: 140]. По мнению К. Рейерсон, центром торговой революции в XII–XIII вв. была Италия. На фоне аграрной революции и развития торговли население полуострова выросло вдвое. Венеция, Флоренция и Милан к XIII в. насчитывали более 100 тыс. жителей, а в Генуе, Болонье и Вероне проживало более 50 тыс. человек [Reyerson 1999: 50]. По данным Дж. Мартина и Д. Романо, доход на душу населения в период классического Средневековья в Италии вырос в три раза. Это общество стремительно росло и генерировало социальные предпосылки Ренессанса. В начале XIV в. Северная Италия являлась фактическим центром Европы, в том числе центром чеканки золотых и серебряных монет из североафриканского сырья [Venice Reconsidered... 2000: 43].

Идея институционально специфического средневекового капитализма поддержана современным историком экономики А. Грейфом. На примере Генуи XI–XII вв. А. Грейф показывает эволюцию эндогенных социальных институтов, которые заменяли тогда формальное право. Понятия личной и корпоративной чести, строгое соблюдение балансов общественных и цеховых интересов позволяли торговцам и производителям XII в. вполне уверенно действовать в международной торговле. В книге описывается прецедент того, как генуэзский купец Рубеус де Кампо в 1210 г. выплачивает долг в 100 марок в Лондоне незнакомым предъявителям письма с поручением. Обыденность этой транзакции свидетельствовала для автора о высоком уровне функционирования рынков и отлаженных механизмах власти [Грейф 2013: 29]. По мнению автора, к середине XIII в. в Европе созрели самоуправляющиеся структуры, которые позволяли снижать издержки по транзакциям. При этом большое значение имели институты родства и категории религиозной морали [Там же: 50–51].

В ходе торговой революции происходил альянс новых экономических элит с государством. По мнению Р. Лахмана, на переходе от феодализма к капитализму моменты классовой борьбы

были относительно редки. Конфликты возникали не между классами, а между группировками правящих элит, каждая из которых действовала в узких диапазонах сословных возможностей. Даже буржуазные революции отражали не столько мегатренды классовой борьбы, сколько временные коалиции разнообразных социально-классовых группировок и элит. В кратковременной и средневременной перспективах они вовсе не означали побед тех или иных политических или экономических институтов [Лахман 2010: 9–10]. Новизна наступающей эпохи, по Р. Лахману, определялась «стратегическими просветами в структурной обстановке» (т.е. разрывами традиционности), которые позволяли представителям раннего модерна совершать неординарные действия внутри феодального контекста [Там же: 50–51].

Стимулом роста торгового капитализма стал растущий спрос европейцев на пряности, шелк и другие восточные товары, усилившийся в эпоху крестовых походов. Стремление европейских государств найти альтернативные пути на Восток сопровождалось созданием международных торговых компаний, таких как Великая Ганза или дом Фуггеров. По мнению Р. Старка, в городах-государствах Италии возникло сочетание трех сопутствующих факторов: а) обновленная христианская доктрина, допускавшая мирское богатство; б) влиятельные корпорации городских ремесленников и торговцев; в) политические гибкие правительства, понимающие пользу меркантилизма [Stark 2005: 45]. Опираясь на идентичные суждения и примеры, один из классиков мир-системного анализа, Дж. Арриги, в книге «Долгий двадцатый век» выделил особый генуэзский цикл развития капиталистической мир-экономики XV – начала XVII в. [Арриги 2006: 161].

Очагами развития новых коммерческих отношений стали приморские города-республики, вышедшие из-под власти феодалов. Эта политическая практика быстро распространилась за пределы Италии в XI–XII вв., например в ганзейских Любеке, Бремене и русском Новгороде. Средневековая балтийская мир-экономика являлась полупериферией в отношении атлантических и средиземноморских центров [Ким 2024]. Торговцы и ремесленники Милана, Венеции или Генуи искали баланс интересов между волей германского императора, интересами и идейными установками католической церкви и соображениями собственной прибыли. Эти города стали торговыми и банковскими центрами и интеллектуальными перекрестками, где развивались новые

формы социальной и экономической организации [Ferguson 2008: 52]. В руках монархов и влиятельных банковских домов оказалась стабильная денежная система, способная финансировать большой объем международной торговли. Важное значение в рамках концепта придается инновациям в кораблестроении, навигации, математических знаниях и географии. Сторонники торговой революции рассматривают ее как синергетическую взаимосвязанную систему в духе раннего модерна в макрорегионе Афро-Евразии. Негативными факторами торговой революции были голодовки и эпидемии XIV в. Они привели к катастрофическому падению численности населения, до 30–60 % в ведущих городских центрах [Beard 2001; John 2001]. В конечном итоге вынужденные изменения в технологиях сельского хозяйства и рост городской потребности в наличных деньгах стимулировал развитие наемного труда и торговли.

Концепция протоиндустриализации оказалась органично связана с идеями торгового капитализма, переходного общества и раннего модерна. Она демонстрирует примеры вызревания капиталистических моделей поведения в традиционном аграрном обществе. Протоиндустриализация представлена ранней фазой в развитии капиталистических тенденций. Особенности этой модели производственных и социальных отношений раскрываются в том, что они не связаны с экспроприацией производителей; это относительно мирный процесс. Основатель проблематики Ф. Мендельс выдвинул два основных предложения. Во-первых, о значительных объемах сельской протоиндустрии, которая связывала крестьянские семьи с растущими национальными и международными рынками. Крестьянские хозяйства Германии, Швеции, Англии в товарных объемах производили текстиль, металл и другие продукты на экспорт. Во-вторых, о том, что индустриализация в сельских районах была настолько распространена и настолько динамична в экономическом и социальном плане, что стала основной силой, движущей экономику в направлении промышленного капитализма [Mendels 1972: 246].

В дальнейших исследованиях процесс протоиндустриализации отображался как новая социальная система отношений, помещенная внутри средневекового социального контекста [Kriedte et al. 1981; Medick 1981]. Историческая специфика протоиндустриализации проявлялась в том, что в нее были втянуты вполне традиционные социальные группы:

повсеместно преобладал ручной, сельский труд, а промышленность была встроена в аграрную экономику и цеховой строй. Так, Ю. Шлюмбур и А. Флорен выделили три этапа протоиндустриализации: 1) *простое товарное хозяйство*, в котором производители владеют орудиями труда, приобретают сырье, распоряжаются своим трудом в рамках домохозяйства; 2) *Käufe-system* (система закупок), при которой появляется купец-скупщик, олицетворяющий капитал; 3) *Putting-out-system* (система выдачи заказов) [Флорен 1992: 8].

Протоиндустриализация существенно расширила хронологические рамки (от XIII до XIX в.), отраслевые границы и географию переходной эпохи от феодализма к капитализму. Ее проявления нашли в истории всей Европы, России, стран Азии, колониальной Африки и Америки. Опираясь на идеи переходного общества, А. Д. Богатуров и А. В. Виноградов предложили выделить *анклавно-конгломеративный тип развития*. Для общества такого типа характерно сосуществование, наложение, специализация и иерархия различных моделирующих анклавов. Эти анклавные сообщества имеют аутентичные способы внутренних взаимодействий, в том числе производственных отношений, но в целом вписываются в рамки единого, объединяющего общества-конгломерата [Богатуров, Виноградов 2002].

Значительная часть академических отечественных медиевистов критически относится к концепту протоиндустриализации. Среди объектов критики – предметная связь с линейной теорией модернизации, в рамках которой завышенное значение придается парадигме непрерывного развития; затянувшийся период переходного общества, который в некоторых сферах тянется около 500 лет, с XIII по XIX в. Выдвигаются три основные критические позиции.

1. Эффектность протоиндустриализации проявляется наиболее сильно на фоне упрощенных и вульгарных трактовок средневековой социальной истории. По мнению П. Ю. Уварова, М. А. Юсима, В. М. Володарского, экономический и социальный динамизм классического Средневековья в эпоху подъема Запада существенно утрачивается в последующие периоды, и говорить о линейном прогрессе отношений протоиндустриализации нельзя [Володарский и др. 2009: 136–138]. По мнению В. М. Володарского и др., динамизм развития капитализма в Средние века преувеличивается – в XV–XVII вв. «с точки зрения эволюции

социально-политических структур, происходит их явное "окаменение": чтобы увидеть это, достаточно обратиться к столь разным сферам социальной истории, как история дворянства, городских корпораций» [Там же: 136–137].

2. Представления о консервативном, негибком характере социальных отношений в Средневековье являются идеологическим штампом эпохи Просвещения, который был унаследован позитивистской историографией, что во многом не соответствует исторической реальности [Согомонов, Уваров 2001].

3. Третья позиция, выраженная А. А. Сванидзе, – эволюция раннекапиталистического уклада в целом непротиворечиво разворачивается в рамках единого средневекового континуитета (ментальность + технологии + социальный строй + социальные практики), во второй период длинного Средневековья, который разрушается только в эпоху Французской революции [Уваров и др. 2009: 58].

Как объяснить параллельное существование двух хозяйственных традиций в континууме аграрной экономики традиционного сословного общества? Если одна из них была ориентирована на баланс потребления и производства и в подавляющей степени регулировалась неэкономическими методами, то вторая ориентировалась на прибыльное товарное производство, была связана с межрегиональным разделением труда. И. Валлерстайн считал это проявлением разных иерархических уровней внутри принципиально единой системы. Тенденция к товарному производству и раннекапиталистическим формам обмена проявлялась в узловых пунктах сети, раскинувшейся над пространствами, в которых господствовала традиционная аграрная экономика [Wallerstein 1974: 22]. В этом качестве протоиндустриализацию целесообразно рассматривать как субпроцесс и *идеальный* тип, определяющий ряд векторов социальной динамики в эпоху раннего модерна [Побережников 2015: 34].

Ранний модерн на фоне расцвета классического феодализма в 1100–1300 гг.

Капитализм как экономический уклад, технология и образ мысли опирался на идейные и технические достижения Высокого Средневековья в 1100–1300 гг. Он не создавал собственную цивилизацию, а представлял собой длительный исторический тренд технологического и социального развития, которое заметно ускорилось к середине XIV в. Среди факторов этого подъема – демографический

рост, трансконтинентальные культурные и технологические влияния, мир-системный рост городских экономик, усиление центров королевской власти. Этот подход был представлен в работах историка Ж. Гимпеля «Средневековая машина» [Gimpel 1976] и «Время соборов» [Gimpel 1983]. Он развил тезис о проникающем германском отношении к природе, постоянно свойственном европейцам. Он приводил аргументы, что технологии западного Средневековья превосходили древнеримские и по крайней мере не уступали восточной технике. Ж. Гимпель указал на малоизвестный факт изобретения кулачкового механизма, превращавшего вращательное движение в переменное. Это изобретение имело прорывное значение при создании первых станков, сукновальных машин и водяных двигателей – так, в Англии в 1086 г. насчитывалось 5624 мельницы [Фурсов 1995: 156]. Европейскими изобретениями прорывного значения были аграрная технология трехполья и тяжелый железный плуг. Жители Европы использовали более производительную жесткую конную упряжь с хомутом и подковами, которая позволяла перевозить в 2–4 раза большие грузы, чем римские аналоги. Развитие сухопутного транспорта способствовало росту урожайности и товарных обменов, развитию сельской кооперации. Ренессанс XII в., по мнению Ж. Гимпеля, имел выраженный технический акцент, что выразилось в высочайших достижениях готической архитектуры.

В европейском стремлении к интенсификации и большей энерговооруженности Г. Дерлугьян увидел альтернативу античному и восточному принудительному труду. Технические инновации средневекового Запада позволяли решать сложные комплексные проблемы – от фортификации и производства доспехов до дальней транспортировки засоленной сельди в дубовых бочках [Дерлугьян 2010: 18]. Историк и социолог Х. Даалдер предположил, что ключевые атрибуты западной цивилизации сложились в средневековый период, до 1500 г.: 1) разделение светской и духовной власти; 2) понятие суверенитета; 3) понятие о гражданстве; 4) обособление общественного и личного; 5) рост значения права; 6) вмешательство государства в социальные и экономические дела; 7) взаимное обособление общества и государства в масштабах, невозможных в других цивилизациях [Daalder 1987: 38]. Устойчивая урбанизация классического Средневековья рассматривается как свидетельство экономического и технического подъема Европы [Berger et al. 2016: 101].

Новые версии теории военной революции, появившиеся в 2000-е гг., захватывают средневековый период. Если в первых редакциях М. Робертса и Дж. Паркера военная революция трактовалась как сумма европейских процессов XVI–XVIII вв., то в более поздних исследованиях авторы уверенно говорят о ее средневековом этапе и восточных вариантах [Parker 1996: 8–9, 110]. Революционные изменения в тактике и вооружении пехоты, распространение наемничества, появление разных видов регулярной кавалерии, социальные трансформации рыцарства, организация дорогостоящих артиллерийских парков, изменение социально-экономических основ войны – все это и многое другое позволяет отнести начало военной революции к XIV в. В новых трактовках военная революция фактически трансформировалась в многоэтапную военную эволюцию под влиянием волн культурной диффузии с Востока на Запад [Axelrod 2014; Brunner 2012; Morillo et al. 2008; Turnbull 2018]. Война тоже отразила Ренессанс и ранний модерн. Так, в совместном исследовании П. В. Турчина, С. А. Нефедова, А. В. Коротаева представлены инженерные достижения военной мысли Средневековья, воплощенные в осадных боевых машинах и военном флоте, позволяющие фактически говорить о допороховой фазе военной революции, и в целом военная революция рассматривается как единый глобальный ритм [Turchin et al. 2021].

В ряде исследований средневековая церковь также выступает как генератор и проводник современных тенденций. В экономическом аспекте отмечается, что монастыри серьезно конкурировали с городскими цехами и гильдиями в производстве широкого ассортимента товаров, нередко определяли местные правила торговли, курсы монет и регламенты производств. Духовные лица во Франции и Италии X–XIV вв. зачастую являлись главными специалистами по каменному строительству, ювелирному производству, изготовлению элитной мебели и домашней утвари, произведений искусства, а главное – книг, пергамента и бумаги. Церкви выступали организаторами и местами проведения многих ярмарок, которые в свою очередь приурочивались к религиозным праздникам. С XII в. монастыри и аббатства становятся активными агентами товарного и денежного хозяйства, в том числе способствуя переходу феодальных майоратов в краткосрочные земельные держания под патронажем церкви.

В ментальном аспекте историками подчеркивается значение психологической адаптации

модерных практик. Богословы Альберт Великий и Фома Аквинский в своих учениях ограничивали стяжательские порывы паствы. Оба теолога связывали представления о богатстве с моральной целесообразностью, общественной иерархией и строгими представлениями о честных и бесчестных занятиях. По понятиям средневекового христианства любая деятельность в конечном итоге должна быть направлена на служение богу и исполнение нравственного долга перед ближними. Поэтому обязательным условием хозяйственной активности была широкая благотворительность, которая может компенсировать грех. Если «путь Марии» к Богу подразумевал духовную, отрешенно-созерцательную жизнь, то «путь Марфы» к Богу был деятельным и мирским. В обстановке повседневного греха богатство и активность более продуктивны для христианина, чем бедность [Стецюра 2020]. Фома Аквинский развивал идеи о том, что Адам в раю владел растениями и зверями, а первоисточником всех богатств является сам Бог, создатель мира. Стремление к благотворительности и осознанное желание сохранять баланс общественных и личных интересов приводили к моральным ограничениям капиталистического стремления к прибыли [Ким 2023]. Так, в исследовании М. А. Рябовой указано на значительные самоограничения купцов из соображений морали и соблюдения баланса интересов, которые приводили к умеренной норме прибыли в 9,6 % в венецианской торговле XV в. [Рябова 2022: 138].

В современной историографии высокую оценку получает интеллектуальная жизнь в средневековой церкви. В книге британского историка С. Фалька «Светлые века» европейские монастыри XIII–XIV вв. охарактеризованы как места притяжения ученых и систематического обмена знаниями. В центре книги – биография монаха Джона Вествика, который проявил себя в астрономии, а также медицине, философии и других науках в Британии и за ее пределами. Герой повествования живет и действует в среде множества таких же энтузиастов науки и богословия, далеких от обскурантизма [Фальк 2023].

Заявленные трактовки средневекового капитализма и раннего модерна вызывают критическую реакцию в отечественной академической среде. Медиевисты Института всеобщей истории РАН выступают против избыточной, по их мнению, модернизации исторического процесса. В целом они сохраняют приверженность классической модели Средневековья и подчеркивают системное

значение феодальной сеньориальной революции X–XI вв. При этом они согласны с тем, что позитивистская историография отразила архаичный на сегодня стереотип эпохи Ренессанса с характерным для интеллектуалов-гуманистов трехчастным делением прошлого на Античность, Средневековье и Древность [Юсим 2023: 12–13]. Всё же академические историки соглашаются с реальностью формирования нового смыслового ядра представлений о феодализме и с необходимостью взгляда на средневековое общество как на целостность [Винокурова 2020: 54]. Отрицая эту реальность, профессиональное сообщество медиевистов, по выражению П. Ю. Уварова, прекратит свое существование за счет эффекта сверхспециализации [Уваров 2023: 26].

Заключение

Со времени 1990-х гг. историческая наука далеко ушла от экономического детерминизма и эталонного подхода в интерпретации феодализма. Глобальная история, мир-системный анализ, теория модернизации и цивилизационный поход сформировали новый онтологический контекст. В соответствии с ним Средневековье – это не стадия развития и не социально-экономический порядок, а материальная и информационная среда с комплексом специфических условий и свойств. В этой среде происходит доиндустриальный этап развития человечества. Для него в целом были характерны аграрная экономика, сословный строй, корпоративная социальная организация, приоритет личных отношений, внеэкономическое принуждение, эксплуатация, основанная на ренте, религиозное сознание и другие атрибуты традиционного социума. Феодализм выступал как важный системный институт общественных отношений. Но современные исследования оспаривают тотальность феодализма и допускают существенные отклонения в региональных версиях и в социально-экономических альтернативах, особенно в центрах активного мир-системного взаимодействия в Афро-Евразии. В XI–XIII вв. разнообразные явления раннего модерна проявлялись прежде всего в торговых городах Италии, Северной Европы, Франции, на Ближнем Востоке, в Китае и постепенно приводили к изменению и модернизации всей системы. К ним относятся проявления торгового капитализма, протоиндустриализации, рациональные модели хозяйственной деятельности, переходные, многоукладные формы социальных

и экономических практик. Особенность раннего капитализма выражалась в дуализме современных и средневековых институтов. Стремление к прибыли в практиках раннего модерна сочеталось с религиозностью, наемный труд – с родовыми и клановыми отношениями, индивидуализм сдерживался корпоративной этикой, идеалами умеренности и благотворительности.

В культурной жизни Средневековья ранний модерн проявлялся прежде всего как подъем светской и городской культуры. В современной историографии преодолено представление о Темных веках в истории Европы. Снят с повестки вопрос о технологической отсталости Средневековья. Значительный акцент в исследованиях сделан на культурной диффузии между Востоком и Западом, глобальном круговороте технологий и культурных влияний. В истории Европы выделяют каролингский Ренессанс VIII–IX вв. Культурный подъем второй половины XII–XIII вв. рассматривается как глобальная тенденция, его яркие проявления историки находят на арабском Востоке, в мусульманской Испании, в Иране, Хорезме, Северной Индии, Японии.

В целом можно отметить, что в рамках разных научных направлений поставлена проблема средневекового капитализма. Он был исторически своеобразный, с пространственными (мир-экономические центры и связанные с ними периферии), социальными (кондотьеры, моряки, купцы, лица свободных профессий, свободные производители, монастыри) и ментальными (религиозная и корпоративная мораль) ограничителями. Средневековый капитализм существовал как достаточно влиятельная, но относительно изолированная социальная технология, его концентрация существенно зависела от степени удаленности или приближения к мир-системным центрам. Капитализм, освобожденный от исторического обязательства формационного перехода, институционально органично встраивается в средневековый социум. С учетом вышеприведенной критики глобально-исторические явления проторенессанса и протоиндустриализации не следует пока генерализировать в качестве маркера определяющей социальной реальности и рассматривать в отрыве от конкретного исторического контекста. Преемственность и взаимосвязь эпох Средневековья и раннего Нового времени будет осознаваться больше и представляться полнее, чем в линейной традиции их формационного противопоставления и взаимного отрицания.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. 470 с. [Arrighi G. *The long twentieth century: Money, power and the origins of our times*. Moscow: Territoria buduchshego, 2006, 470. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrvokl>
- Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории. *Восток – Запад – Россия*. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128. [Bogaturov A. D., Vinogradov A. V. Enclave-conglomerate type of development. The experience of trans-system theory. *East – West – Russia: Collection of articles*. Moscow: Progress-Traditiia, 2002, 109–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ttpukl>
- Богданов А. Краткий курс экономической науки. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1923. 240 с. [Bogdanov A. *A short course of economics*. Kharkov: Gos. izd-vo Ukrainy, 1923, 240. (In Russ.)]
- Борхардт Ю. Накопление капитала. М.-Л.: Госиздат, 1926. 336 с. [Borchardt J. *Accumulation of capital*. Moscow-Leningrad: Gosizdat, 1926, 336. (In Russ.)]
- Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983. 327 с. [Vasiliev L. S. *Problems of the genesis of the Chinese State*. Moscow: Nauka, 1983, 327. (In Russ.)]
- Васютин С. А. Кочевники Внутренней Азии VI – начала XII века в глобальной истории. Иркутск: Оттиск, 2020. 351 с. [Vasyutin S. A. *Nomads of Inner Asia of the VI – early XII century in global history*. Irkutsk: Ottisk, 2020, 351. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hubbej>
- Винокурова М. В. Что удалось обсудить в ходе сессии по феодализму на конференции «Переосмысление Средневековья, или аудит российской средневековщины». *Средние века*. 2020. Т. 81. № 1. С. 48–56. [Vinokurova M. V. What was discussed during the session on feudalism at the conference "Rethinking the Middle Ages, or audit Russian Medieval history". *Srednie Veka*, 2020, 81(1): 48–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0131878020010055>
- Володарский В. М., Юсим М. А., Винокурова М. В., Брагина Л. М., Николаева И. Ю., Кузнецов В. Н., Зарецкий Ю. П., Дмитриева О. В., Уваров П. Ю. День третий: раннее Новое время и теория модернизации. *Средние века*. 2009. Т. 70. № 1-2. С. 98–138. [Volodarsky V. V., Yusim M. A., Vinokurova M. V., Bragina L. M., Nikolaeva I. Yu., Kuznetsov V. N., Zaretsky Yu. P., Dmitrieva O. V., Uvarov P. Yu. Day three. Early Modern period and the theory of modernization. *Srednie Veka*, 2009, 70(1-2): 98–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxcbcn>
- Гордон А. В. Новое время как тип цивилизации: научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1996. 63 с. [Gordon A. V. *Modern period as a type of Civilization: Scientific and analytical review*. Moscow: INION, 1996, 63. (In Russ.)]
- Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли. М.: ВШЭ, 2013. 531 с. [Greif A. *Institutions and the path to the modern economy. Lessons from Medieval trade*. Moscow: HSE, 2013, 531. (In Russ.)]
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. Социальная макроэволюция: генезис и трансформации Мир-Системы. М.: Либроком, 2009. 568 с. [Grinin L. E., Korotaev A. V. *Social macroevolution: The genesis and transformation of the World-System*. Moscow: Librokom, 2009, 568. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rvxmlp>
- Гросул В. Я. О периодизации всемирной и отечественной истории. *Отечественная история*. 2007. № 3. С. 122–139. [Grosul V. Ya. On the periodization of general and native history. *Otechestvennaia istoriia*, 2007, (3): 122–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hzxlnf>
- Дерлугьян Г. Модерн и модернизаторы. *Эксперт*. 2010. № 1. С. 18–24. [Derlugyan G. Modernity and modernizers. *Ekspert*, 2010, (1): 18–24. (In Russ.)]
- Дживелегов А. К. Торговля на Западе в средние века. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1904. 223 с. [Dzhevelegov A. K. *Trade in the West in the Middle Ages*. St. Petersburg: Brokgaus-Efron, 1904, 223. (In Russ.)]

- Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 2. Теория капиталистического развития. М.: Изд. С. Скимунта, 1904. VI+487 с. [Sombart W. *Modern capitalism. Vol. 2. Theory of capitalist development*. Moscow: Izd. S. Skirmunta, 1904, VI+487. (In Russ.)]
- История человечества, ред. П. Берк, Х. Инальчик. Т. V. XVI–XVIII века. М.: Магистр-Пресс, 2004. 500 с. [*The history of mankind. Vol. V. XVI–XVII centuries*, eds. Berk P., Inalcik H. Moscow: Magistr-Press, 2004, 500. (In Russ.)]
- Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. Т. I. Переход от Средневековья к Новому времени. 3-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904, VI+416. [Kareev N. I. *The Modern history of Western Europe. Vol. I. The transition from the Middle Ages to Modern history*. 3rd ed. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1904, VI+416. (In Russ.)]
- Ким О. В. Балтийская полупериферия в международных отношениях Средневековья и Нового времени. *Международные отношения и региональные процессы: III Всерос. с Междунар. уч. науч.-практ. конф. (Омск, 19 декабря 2023 г.)* Омск: ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, 2024. С. 35–40. [Kim O. V. The Baltic semi-periphery in international relations during Medieval and Modern periods. *International relations and regional processes: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Omsk, 19 Dec 2023*. Omsk: OmSU, 2024, 35–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vafjmk>
- Ким О. В. Вклад традиционного Китая в мировой технический прогресс в Средние века и Новое время. *Историко-культурное наследие России и Китая: вопросы изучения, сохранения и развития: II Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар, 15 июня 2022 г.)* Краснодар: КГИУ, 2023. С. 54–60. [Kim O. V. The role of traditional China at world technological progress in the Middle ages and Modern age. *Historical and cultural heritage of Russia and China: Studies, preservation, and development: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Krasnodar, 15 Jun 2022*. Krasnodar: KSIC, 2023, 54–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/peqrue>
- Ким О. В. Экономические и культурные предпосылки раннего модерна в средневековой Европе. *Вестник Северо-Восточного государственного университета. История*. 2020. Т. 1. № 4. С. 28–36. [Kim O. V. Economical and cultural preconditions of Early Modern in Medieval Europe. *Bulletin of North-Eastern State University. History*, 2020, 1(4): 28–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fiycrx>
- Клюев А. И., Метель О. В. В поисках хронологических рубежей: проблема перехода от Средних веков к Новому времени в советской историографии. *Средние века*. 2020. Т. 81. № 3. С. 135–163. [Klyuev A. I., Metel O. V. Searching for chronological marks: The problem of transition from the Middle Ages to a Modern Time in the Soviet historiography. *Srednie Veka*, 2009, 81(3): 135–163. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0131878020030071>
- Ковалевский М. М. Краткий обзор экономической эволюции и подразделение ее на периоды. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. печ. дела Е. Евдокимов, 1899. 28 с. [Kovalevskiy M. M. *A brief overview of Economic Evolution and its division into periods*. St. Petersburg: Tip. SPb. akts. obchsh. pech. dela E. Evdokimov, 1899, 28. (In Russ.)]
- Крадин Н. Н. Мир-системный анализ и динамика древних и средневековых обществ. *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2024. № 6. С. 141–155. [Kradin N. N. World-system analysis and the dynamics of Ancient and Medieval Societies. *Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology*, 2024, (6): 141–155. (In Russ.)] <https://doi.org/10.55086/sp246141153>
- Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. 8-е изд., пересм. и доп. М.-Л.: Огиз, 1931. Т. 1. XVI+450 с. [Kulisher I. M. *The History of economic life in Western Europe*. 8th ed. Moscow-Leningrad: Ogiz, 1931, vol. 1, XVI+450. (In Russ.)]
- Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Территория будущего, 2010. 454 с. [Lachmann R. *Capitalists in spite of themselves. Elite Conflict and economic transitions in Early Modern Europe*. Moscow: Territoria buduchshego, 2010, 454. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qpobqr>
- Побережников И. В. Пространственные аспекты российской модернизации. *Экономическая история*. 2010. № 2. С. 18–26. [Poberezhnikov I. V. The spase aspects of Russian modernization. *Economicheskaya istoriya*, 2010, (2): 18–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncwujx>
- Побережников И. В. Протоиндустриализация как субпроцесс и стадия модернизации: теоретические проблемы. *Экономическое развитие и практика реформ*, ред. Ю. П. Бокарев и др. М.: ИЭ РАН, 2015. Вып. 4. С. 14–34. [Poberezhnikov I. V. Protoindustrialization as a subprocess and stage of Modernization: Theoretical

- problems. *Economic Development and the Practice of Reforms*, eds. Bokarev Yu. P. et al. Moscow: IE RAS, 2015, 14–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uwvvt>
- Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетея, 2002. 320 с. [Polanyi K. *The great transformation: The political and economic origins of our time*. St. Petersburg: Aletheia, 2002, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vumqir>
- Радек К. Б. История революционного движения в Китае (курс лекций 1926–1927). М.: Ун-т трудящихся Китая им. Сун-Ят-Сена, 1927. 44 с. [Radek K. B. *The history of the revolutionary movement in China: Lectures, 1926–1927*. Moscow: Sun Yat-sen University, 1927, 44. (In Russ.)]
- Рябова М. А. Норма прибыли в венецианской торговле первой половины XV в. *Средние века*. 2022. Т. 83. № 4. С. 111–141. [Ryabova M. A. The rate of profit in the Venetian trade in the first half of the fifteenth century. *Srednie Veka*, 2009, 83(4): 111–141. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0131878022040055>
- Согомонов А. Ю., Уваров П. Ю. Открытие социального (парадокс XVI века). *Одиссей. Человек в истории*. 2001. Т. 2001. С. 199–215. [Sogomonov A. Yu., Uvarov P. Yu. The discovery of the social: The paradox of the XVI century. *Odysseus. Man in History*, 2001, 2001: 199–215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyblmf>
- Стецюра Т. Д. Категория собственности в схоластике XIII – начала XIV в. *Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья*, отв. ред. Н. А. Хачатурян. СПб.: Алетея, 2020. С. 380–392. [Stetsyura T. D. Category of property in the scholasticism of the XIII – beginning XIV centuries. *The phenomenon of property in the social structure of the Western European Middle Ages*, ed. Khachaturyan N. A. St. Petersburg: Aletheia, 2020: 380–392. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dfplrp>
- Уваров П. Ю. На «поляне» раннего Нового времени. *Средние века*. 2009. Т. 70. № 1-2. С. 129–138. [Uvarov P. Yu. On the "clearing" of the Early Modern Age. *Srednie Veka*, 2009, 70(1-2): 129–138. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thdlyp>
- Уваров П. Ю. Феодализм на горизонте, или сорок лет спустя (Часть 1). *Средние века*. 2023. Т. 84. № 4. С. 8–28. [Uvarov P. Yu. Feudalism on the horizon, or forty years later (part 1). *Srednie Veka*, 2023, 84(4): 8–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0131878023040013>
- Уваров П. Ю., Сванидзе А. А., Юсим М. А., Бойцов М. А., Горский А. А., Коротаев А. В., Алаев Л. Б., Рябинин А. Л., Васютин С. А., Уваров П. Ю. День второй: что такое Средние века? *Средние века*. 2009. Т. 70. № 1-2. С. 45–97. [Yusim M. A., Svanidze A. A., Yusim M. A., Boytsov M. A., Gorsky A. A., Korotaev A. V., Alaev L. B., Ryabinin A. L., Vasyutin S. A., Uvarov P. Yu. Day two. Discussion what are the Middle Ages? *Srednie Veka*, 2009, 70(1-2): 45–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxcbed>
- Фальк С. Светлые века: Путешествие в мир средневековой науки. М.: Альпина Паблишер, 2023. 440 с. [Falk S. *The light ages: The surprising story of Medieval science*. Moscow: Alpina Publisher, 2023, 440. (In Russ.)]
- Флорен А. Классовая борьба и протоиндустриализация (борьба за контроль над производством в железо-добывающих районах Норы и Линда в Швеции в XVI–XVIII вв.). *Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период*, отв. ред. Н. А. Миненко, Р. Торстендаль. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 3–17. [Florèn A. The class struggle and protoindustrialization: The struggle for control over production in the iron-mining areas of Nora and Linda in Sweden in the XVI–XVIII centuries. *Metallurgical plants and the peasantry: Problems of the social organization of industry in Russia and Sweden in the early industrial period*, eds. Minenko N. A., Torstendal R. Ekaterinburg: UrB RAS, 1992, 3–17. (In Russ.)]
- Фурсов А. И. «Средневековая машина». По страницам книги Жана Гимпеля. *Российская провинция*. 1995. № 3. С. 152–163. [Fursov A. I. "The medieval machine" in Jean Gimpel's book. *Rossiskaia provintsia*, 1995, (3): 152–163. (In Russ.)]
- Фурсов А. И. Европейская цивилизация и капитализм: культура и экономика в развитии общества. Обзор. М.; ИНИОН, 1991. 59 с. [Fursov A. I. *European civilization and capitalism: Culture and economics in the development of society. Review*. Moscow: INION, 1991, 59. (In Russ.)]
- Юсим М. А. Кто все-таки придумал Средние века? *Средние века*. 2023. Т. 84. № 1. С. 9–21. [Yusim M. A. Who, after all, invented the Middle Ages? *Srednie Veka*, 2023, 84(1): 9–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7868/S0131878023010014>
- A companion to the Global Early Middle Ages*, ed. Hermans E. Yorkshire: Arc Humanities Press, 2020, 554. <https://doi.org/doi:10.2307/j.ctvz0h9cf>

- Abu-Lughod J. L. Restructuring the pre-modern world-system. *Review*, 1990, 13(2): 273–286. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195067743.003.0014>
- Atlas of world history*, ed. Barraclough G., Overy R. J. 5th ed. L.: Hammond, 1999, 375.
- Axelrod A. *Mercenaries: A guide to private armies and private military companies*. CQ Press, 2014, 440. <https://doi.org/10.4135/9781483340319>
- Baek S. H., Smerdon J., Dobrin G.-C., Naimark J., Cook E., Cook B., Seager R., Cane M. A quantitative hydroclimatic context for the European great famine of 1315–1317. *EGU General Assembly*, 4–8 May 2020. <https://doi.org/10.5194/egusphere-egu2020-613>
- Beard J. In the wake of the plague: The Black Death and the world it made. *Endeavour*, 2001, 25(3): 136. [https://doi.org/10.1016/s0160-9327\(00\)01368-5](https://doi.org/10.1016/s0160-9327(00)01368-5)
- Berger E., Israel G., Miller C., Parkinson B., Reeves A., Williams N. *World history: Cultures, states and societies to 1500*. Dahlonega: University of North Georgia Press, 2016, 488.
- Borgolte M. *Die Welten des Mittelalters. Globalgeschichte Eines Jahrtausends*. München: C. H. Beck, 2022, 1102.
- Brunner J. C. The revival of infantry tactics in the Late Middle Ages. Historical Introduction. *Medieval Warfare Magazine*, 2012, 2(3): 5–58.
- Chase-Dunn C., Hall T. D. *Rise and demise: Comparing world-systems*. Boulder, Colorado: Westview Press, 1997, 336.
- Daalder H. European political tradition and processes of modernization: Groups, the individual and State. *Patterns of modernity. Vol. 1. The West*, ed. Eisenstadt S. N. L.: Pinter, 1987, 22–43.
- Ferguson N. *The ascent of money: The financial history of the world*. N. Y.: Penguin Press, 2008, 441.
- Frank A. G. A theoretical introduction to 5000 years of world system history. *Review*, 1990, 13(2): 155–248.
- Gimpel J. *The cathedral builders*. N. Y.: Grove Press, 1983, XIII+282.
- Gimpel J. *The Medieval machine: Industrial revolution of the Middle Ages*. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1976, 274.
- Global Middle Ages. The Later Middle Ages*, eds. Holmes C., Standen N. Oxford-N. Y., Athens: Oxford University Press, 2018, 441.
- Goodman J., Aston T. H., Philpin C. H. E. *The Brenner debate: Agrarian class structure and economic development in pre-industrial Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987, 339.
- Holton R. H., Hill C. *The transition from feudalism to capitalism*. L.: Verso Books, 1985, 196. https://doi.org/10.1007/978-1-349-17745-5_7
- John A. *From the brink of the apocalypse: Confronting famine, plague, war and death in the Later Middle Ages*. N. Y.: Routledge, 2001, XVI+304. <https://doi.org/10.4324/9781315881133>
- Klein G., Beusen A., Janssen P. Long-term dynamic modeling of global population and built-up area in a spatially explicit way: HYDE 3.1. *The Holocene*, 2010, 20(4): 565–573. <https://doi.org/doi:10.1177/0959683609356587>
- Kriedte P., Medick H., Shlumbohm J. *Industrialization before industrialization: Rural industry in the genesis of capitalism*. Cambridge-N. Y.: Cambridge University Press, 1981, 335.
- Laiou A. E. *Byzantium and the other: Relations and exchanges*. L.: Routledge, 2012, 340. <https://doi.org/10.4324/9781351219747>
- Lopez R. S. *The commercial revolution of the Middle Ages, 950–1350*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976, 180.
- Marks R. B. *The origins of the modern world: A global and environmental narrative from the fifteenth to the twenty-first century*. Rowman & Littlefield Publishers, 2024, 328.
- Medick H. The transition from feudalism to capitalism: Renewal of debate. *Peoples history and socialist theory*, ed. Samuel R. L.: Routledge & Kegan Paul, 1981, 120–129. <https://doi.org/10.1111/aebr.242br10>
- Mendels F. F. Proto-industrialization: The first phase of the industrialization process. *The Journal of Economic History*, 1972, 32(1): 241–261. <https://doi.org/10.1017/s0022050700075495>
- Morillo S., Black J., Lococo P. *War in world history: Society, technology, and war from Ancient times to the present*, Vol. 2 – from 1500 AD. McGraw-Hill, 2008, 330.
- Parker G. *The military revolution: Military innovation and the rise of the West, 1500–1800*. 2nd ed. N. Y.: Cambridge University Press, 1996, 234.
- Renaissance of sciences in Islamic countries: Muhammad Abdus Salam*, eds. Dalafi H. R., Hassan H. A. Singapore-River Edge-New Jersey: World Scientific, 1994, 351.

- Reyerson K. Commerce and communications. *The New Cambridge Medieval History. Vol. 5. 1198–1300*, ed. Abulafia D. Cambridge: Cambridge University Press, 1999, 50–70. <https://doi.org/10.1017/chol9780521362894.006>
- Rostow W. W. *The stages of economic growth: A non-communist manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press, 1960, 178. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511625824>
- Skocpol T. Wallerstein's world capitalist system: A theoretical and historical critique. *American Journal of Sociology*, 1977, 82(5):1075–1089. <https://doi.org/10.1086/226431>
- Spufford P. *Money and its use in Medieval Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988, 467. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511583544>
- Stark R. *The victory of reason: How christianity led to freedom, capitalism and Western success*. N. Y.: Random House, 2005, 357.
- Stearns P. N. Periodization in world history: Challenges and opportunities. *21st-Century Narratives of World History: Global and Multidisciplinary Perspectives*, ed. Weller R. C. Palgrave Macmillan Cham, 2017, 83–109. https://doi.org/10.1007/978-3-319-62078-7_3
- The Cambridge world history of violence. Vol. 2: AD 500–1500 CE*, eds. Gordon M., Kaeuper R., Zurndorfer H. Cambridge, Cambridge University Press, 2020, 722.
- Turchin P., Hoyer D., Korotayev A., Kradin N., Nefedov S., Feinman G., Levine J., Reddish J., Cioni E., Thorpe C., Bennett J. S., Francois P., Whitehouse H. Rise of the war machines: Charting the evolution of military technologies from the Neolithic to the Industrial Revolution. *PLoS ONE*, 2021, 16(10). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0258161>
- Turnbull S. *The art of Renaissance warfare: From the fall of Constantinople to the Thirty Years War*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 272.
- Venice Reconsidered. History and Civilization of an Italian City – State, 1297–1797*, eds. Martin J., Romano D. Baltimore (Md.): Johns Hopkins university press, 2000, 538. <https://doi.org/10.3138/cjh.37.3.517>
- Wallerstein I. *The modern world-system. 1: Capitalist agriculture and the origin of the European world-economy in the sixteenth century*. N. Y.: Academic Press, 1974, 763. <https://doi.org/10.1525/9780520948570>
- Weller C. R. *21st-century narratives of world history: Global and multidisciplinary perspectives*. Palgrave Macmillan Cham, 2017, XXXIII+412. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-62078-7>
- Wiesner-Hanks M. E. *What is early modern history?* Medford, MA and Cambridge: Polity Press, 2021, 154.
- Wilkinson D. O. Central civilization. *Comparative Civilizations Review*, 1987, 17(17): 31–59. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190846626.013.125>